

Артур
Понсонби
Ч.П.

Ложь во время войны

Удивительная
коллекция тщательно
задокументированной
лжи, распространявшейся
в Великобритании,
Франции, Германии, Италии и
Америке во время Великой войны.

Впервые в полном переводе на русский язык

Артур Понсонби

**Ложь во время войны. Первый
полный перевод на русский язык**

«Автор»

2026

Понсонби А.

Ложь во время войны. Первый полный перевод на русский язык /
А. Понсонби — «Автор», 2026

Впервые на русском языке публикуется полный перевод фундаментального труда британского дипломата и общественного деятеля лорда Артура Понсонби «Ложь во время войны» (1928). Написанная по горячим следам Первой мировой войны, эта книга стала классическим исследованием механизмов государственной пропаганды. Автор детально, на основе документов и исторических фактов, реконструирует методы, с помощью которых правительства воюющих держав манипулировали общественным мнением. В этой работе Понсонби сформулировал базовые принципы военной пропаганды, которые и сегодня остаются главным ключом к пониманию информационных войн. Книга адресована историкам, политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и механизмами массового манипулирования.

© Понсонби А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Юридическая Справка	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
I. Обязательство перед Францией	17
II. Сербия и убийство эрцгерцога	25
III. Вторжение в Бельгию как причина войны	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Артур Понсонби

Ложь во время войны. Первый полный перевод на русский язык

Удивительное собрание тщательно задокументированной клеветы, распространенной в Великобритании, Франции, Германии, Италии и Америке во время Великой войны¹.

Автор: Артур Понсонби, член британского парламента (барон Понсонби Шельбредский), впервые опубликовано в лондоне издательством Джорж Аллен и Унвин лимитед в 1928 году.

Автор перевода: Дмитрий Фельдман, перевод сделан по офигиналу десятого издания книги

¹ Термин “Великая война” (The Great War) в англоязычной литературе и историографии традиционно относится к Первой мировой войне (1914–1918) и широко используется как дань памяти и подчеркивание беспрецедентного масштаба трагедии.

Юридическая Справка

Книга Артура Понсонби “Ложь во время войны” перешла в общественное достояние 1 января 2024 года и может свободно использоваться, копироваться, переводиться и распространяться по всему миру в соответствии со следующими двумя правилами авторского права, принятыми большинством стран:

Дата смерти автора: Артур Понсонби умер 23 марта 1946 года. Стандартный срок действия авторских прав составляет “Жизнь автора плюс 70 лет”. По этому правилу, срок действия авторских прав на эту книгу истек 1 января 2017 года.

Дата публикации: Эта книга была впервые опубликована в 1928 году. Любое литературное произведение, опубликованное до 1 января 1929 года автоматически перешло в общественное достояние 1 января 2024 года.

Подтверждением того что эта книга находится в Public Domain является свободный доступ к ее оригинальному тексту на платформе Google Books.

Данный перевод книги защищен Законом США об Авторском Праве и зарегистрирован в Бюро по Авторским Правам США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За поиск и подготовку материалов для этой книги я благодарен [лорду Тавистоку](#), его чуткой помощи и полезным советам. [Профессор Сальвемини](#), г-н [Фрэнсис Нильсон](#), г-н Т. Диксон, миссис С. Р. Бакстон, миссис Ури, мисс Дарем и миссис Уоллис также помогли мне с дополнениями и расследованиями. Я признателен многим корреспондентам за предоставление мне своих материалов. Я особенно благодарен мисс Маргарет Дигби за ее исследовательскую работу и редактирование доказательств².

Артур Понсонби

"Ложь никогда не стареет." [Софокл](#).

“При объявлении войны, первой жертвой становится истина.”³

"Kommt der Krieg ins Land Gibt Lügen wie Sand"⁴

"Вы обнаружите, что войны поддерживаются такими аргументами, которые после окончания войны оказываются тем, к чему людям никогда не следовало бы прислушиваться". [Джон Брайт](#).

"В сфере международного соперничества и конфликтов люди поставили патриотизм выше правды, как неотъемлемую добродетель государственных деятелей". [Стэнли Болдуин](#)

"Легче делать деньги на лжи, чем на правде. У правды есть только одна сила, она может зажечь души. Но, в конце концов, душа - это ббольшая сила, чем толпа". [Г. Лоус Дикинсон](#).

"И когда война все же пришла, мы рассказали молодежи, которой предстояло нас из нее выгнать, небылицы о том, что это на самом деле, и о райских кущах, к которым она ведет". [Дж. М. Барри](#).

² Gaetano Salvemini: Известный итальянский историк и антифашист, исследователь дипломатии и секретных договоров. Francis Neilson: Бывший член британского парламента, автор книги "How Diplomats Make War" (1915) один из наиболее влиятельных критиков тайной дипломатии, приведшей к началу Первой мировой войны. Mrs. C.R. Buxton (Dorothy Buxton): Соучредитель фонда Save the Children. Собирала информацию о положении дел в Европе. Miss Edith Durham: Антрополог и писательница, известная своими работами о Балканах. Mrs. Wallis: вероятно, активистка возглавляемого Понсонби "Союза демократического контроля". Miss Margaret Digby: главный помощник Понсонби в поиске и проверке документальных свидетельств в архивах и прессе.

³ Высказывание впервые озвучил губернатор Калифорнии [Хайрам Джонсон](#) в американском сенате в 1917 году. Также приписывается [Эсхилу](#).

⁴ Немецкая поговорка. Дословно: "Когда на землю приходит война, ложь подобна песчинкам", то есть неисчислима и вездесуща.

ВВЕДЕНИЕ

Цель этой книги не в том, чтобы вновь возложить вину на власть и отдельных лиц, а также не в том, чтобы обвинить во лжи одну нацию больше других.

Ложь - общепризнанное и чрезвычайно полезное оружие на войне, и каждая страна вполне сознательно использует ее для обмана собственного народа, привлечения нейтральных сторон и заблуждения противника. В этот момент невежественные и наивные массы в каждой стране не подозревают, что их вводят в заблуждение, и лишь когда все заканчивается, ложь кое-где обнаруживается и разоблачается. Поскольку все уже в прошлом, и желаемый эффект уже стал историей, никто не утруждает себя расследованием фактов и установлением истины.

Ложь, как известно, встречается не только в военное время. Говорят, что человек — не “правдивое животное”, но его привычка лгать совсем не так необычна, как его поразительная готовность верить. Именно из-за человеческой доверчивости ложь и процветает. Однако в военное время не уделяется должного внимания организованной, исходящей от властей лжи. Обман целых народов - это не тот вопрос, к которому можно относиться легкомысленно.

Поэтому в период так называемого мира может быть полезно рассмотреть с беспристрастным спокойствием предостережение о том, что власти каждой страны используют, и даже вынуждены использовать, подобную практику чтобы, во-первых, оправдать себя, изображая врага явным злодеем; а во-вторых, достаточно разжечь народное негодование для вербовки новобранцев и продолжения борьбы. Они не могут позволить себе говорить правду. В некоторых случаях следует признать, что в данный момент они просто не знают что является правдой.

Психологический фактор на войне так же важен, как и военный. Моральный дух дух гражданских лиц, также как и солдат, необходимо поддерживать на должном уровне. Военные министерства, адмиралтейства и министерства авиации заботятся о военной стороне. Для наблюдения за психологической стороной должны быть созданы специальные ведомства. Недопустимо позволять людям впадать в уныние; поэтому победы надо преувеличивать, а поражения - если не скрывать, то, по крайней мере, преуменьшать; а стимулирование негодования, ужаса и ненависти следует усердно и непрерывно навязывать в общественное сознание посредством “пропаганды”.

Как сказал г-н [Бонар Лоу](#) в интервью United Press of America, говоря о патриотизме: "Хорошо бы, чтобы он был как следует замешан на немецких злодеяниях"; а некое общее подтверждение злодеяний дается расплывчатыми фразами для избежания ответственности за достоверность конкретных историй, как например, когда [г-н Асквит](#) сказал (Палата Общин, 27 апреля 1915 года): "Мы не забудем этого ужасного свидетельства расчетливой жестокости и преступлений" .

Использование лжи в качестве оружия более необходимо в странах, где всеобщая воинская повинность не является законом, чем в странах, где мужское население автоматически призывается в армию, флот или в авиацию. Общественность можно эмоционально взбудоражить мнимыми идеалами. Некая коллективная истерия распространяется и нарастает, пока, наконец, не овладевает здравомыслящими людьми и солидными газетами.

Видя перед собой такое предупреждение, простые люди смогут быть более бдительны когда облако войны снова появится на горизонте, и менее склонны принимать за правду слухи, толкования и декларации, нацеленные на них. Им следует осознать, что правительство, решившееся на опасное и ужасное предприятие войны, должно с самого начала предоставить однозначное оправдание своих действий, и не может позволить себе допустить ни в чем, ни в малейшей степени, признания прав или рассудка у людей, с которыми оно решило воевать. Факты должны быть искажены, важные обстоятельства скрыты, и представлена картина, убеждающая своим грубым колоритом невежественных людей в том, что их правительство непорочно, их дело правое, и что неоспоримое злодейство врага безусловно доказано. Осмысление подскажет любому здравомыслящему человеку, что такая очевидная предвзятость никак не может отражать истину. Но осмысление событий недопустимо; ложь распространяется с большой скоростью. Неразумная масса подхватывает ее, и увлекает своим возбуждением остальных. Количество чепухи и вздора, выдаваемого во всех странах за патриотизм в военное время, достаточно, чтобы при последующем прозрении вгонять в краску порядочных людей.

Торжественные заверения монархов и ведущих государственных деятелей каждой нации в том, что они не хотят войны, нужно с самого начала ставить в один ряд с заявлениями людей, которые обливают дом керосином и постоянно чиркают спичками, утверждая, что не хотят пожара. Эта форма самообмана, предполагающая обман других, в основе своей бесчестна.

Война - общепризнанный институт, к которому обращаются ссорящиеся правительства, и люди к ней более или менее подготовлены. Они вполне охотно обманываются, оправдывая собственные действия. Они ищут повод проявить свой патриотизм, или же склонны воспользоваться возможностью для волнующей, полной приключений новой жизни, которую открывает перед ними война. Возникает своего рода национальный негласный стговор⁵, все идет в едином порыве, и человек в свою очередь начинает воспринимать ложь как патриотический долг. При низком уровне морали, преобладающем в военное время, такая практика кажется почти невинной. Его усилия порой грубоваты, но он делает все возможное, следуя поданному примеру. Власти нанимают агентов и поощряют их в так называемой пропагандистской работе. Тип людей, заметно выдвинувшихся вперед распространяя ложь на вербовочных пунктах, теперь хорошо известен. Судьба, постигшая по крайней мере [одного из самых популярных из них в Англии](#)⁶, подчеркивает глубину падения общественного мнения в атмосфере войны.

Имея в распоряжении прослушивателей, вскрывателей писем, дешифровщиков, телефонную прослушку, шпионов, ведомство перехвата, ведомство подделки документов, отдел уголовного розыска, отдел пропаганды, отдел разведки, отдел цензуры, министерство информации, бюро печати и т. д., различные правительства были хорошо оснащены для "инструктирования" своих народов.

Официальное ведомство британской пропаганды в [Крю-Хаусе](#) под руководством [лорда Нортклиффа](#) добилось больших успехов. Их методы, особенно разброс миллионов листовок на немецкую армию, намного превзошли все, что предпринимал противник. В книге "[Секреты Крю-Хауса](#)" сэр [Кэмпбелл Стюарт](#), описал эти методы для нашего удовольствия и одобрения. Заверения в том, что использовались только "правдивые утверждения", повторяется уж слишком часто и не совсем соответствует описанию фальшивых писем, а также фальшивых назва-

⁵ Понсонби использует ироничное "national wink", дословно "национальное подмигивание", имея в виду негласный стговор, молчаливое понимание и согласие всех участников событий.

⁶ Имеется в виду Горацио Боттомли - известный финансист, издатель, и демагог, который был кумиром толпы во время Первой мировой, но в 1922 году был осужден за мошенничество с военными займами.

ний и обложек книг, которые были пущены в ход. Но, разумеется, мы знаем, что эти искусные пропагандисты столь же ловко манипулируют нами после происшедшего, как делали это в свое время с врагом. Мы знаем, что в этом показательно откровенном описании их деятельности, дается лишь часть истории. Тот кто запускает в обращение неблагородный металл, знает как подмешать правильное количество примесей как для нас, так и для противника.

Во многих отзывах немецких генералов и немецкой прессы об успехе нашей пропаганды нет никаких доказательств того, что наши утверждения всегда были абсолютно правдивыми. Вот один пример: [генерал фон Гутьер](#) из 6-й германской армии прислал сообщение, в котором встречается следующий отрывок:

Метод Нортклиффа на фронте состоит в распространении ленточками постоянно растущего числа листовок и брошюр; письма немецких военнопленных фальсифицируются самым возмутительным образом; придуманы трактаты и памфлеты, в которых подделаны имена немецких поэтов, писателей и государственных деятелей, или которые создают видимость напечатанных в Германии и носят, например, название серии [Reclam](#)⁷; в действительности же они поступают из типографии Нортклиффа, который печатает их день и ночь. Его замысел и цель заключаются в том, что эти подделки, какими бы очевидными они ни казались думающему человеку, сумеют вызвать сомнение, пусть даже мимолетное, в умах тех, кто не мыслит самостоятельно, и что их вера в своих лидеров, вера в собственные силы, и в неисчерпаемые ресурсы Германии может пошатнуться.

Изначально пропаганда основывалась на зыбком песке мифа о единоличной ответственности Германии. Позже она стала несколько противоречивой из-за неспособности наших государственных деятелей озвучить наши цели, а под конец её укрепили описаниями великолепного, справедливого и праведного мира, который должен был быть "установлен на прочном фундаменте". К сожалению, это оказалось величайшей ложью из всех.

В спокойной ретроспективе мы можем лучше оценить пагубные последствия яда клеветы, произведенного официально, полуофициально или приватно. Справедливо сказано, что введение яда ненависти в умы людей посредством клеветы есть большее зло во время войны, чем фактическая гибель людей. Осквернение человеческой души хуже разрушения человеческого тела. Абсолютно необходимо полностью это осознать.

Другим следствием постоянного появления ложных и предвзятых утверждений, атмосферы поглощения лжи, является то что проявления настоящей доблести, героизма, физической выносливости, и подлинные случаи неизбежных мук и страданий опошляются и оскверняются; прекрасное товарищество на поле боя почти очерняется. Лживые языки не способны говорить о жертвенных подвигах, показать их красоту и ценность. Именно поэтому восхваление героизма со стороны правительства и прессы всегда режет слух, особенно когда, как это обычно случается, оно сопровождается дешевой и вульгарной сентиментальностью. Вот почему инстинктивно хочется, чтобы настоящие герои остались неузнанными, чтобы их память не была запятнана циничными языками и перьями, столь искушенными в клевете.

Когда война достигает таких масштабов, что в нее вовлекается вся нация, и когда люди по её окончании обнаруживают, что ничего не приобрели и видят вокруг себя лишь бедствия,

⁷ Популярное германское издательство, известное недорогими массовыми "маленькими желтыми книжечками" в мягком переплете.

они склонны становиться более скептическими и исследовать основания аргументов, вдохновлявших их патриотизм, воспламенявших их страсти, и готовивших их к высшей жертве. Им любопытно узнать, почему ни одна из мнимых целей, ради которых они сражались, не была достигнута, особенно если они победили. Они склонны верить [лорду Фишеру](#), что "нация была обманом втянута в войну" ("London Magazine", январь 1920 г.). Они начинают задумываться, не они ли должны воплотить в жизнь хоть одно из так часто повторяемых высказываний, что это была "война за окончание войны".

Пока поколение переживших войну еще живет, ему следует дать возможность в прозе и стихах рассказать о некоторых из самых известных лозунгов, трескучих фраз, и призывов, оказавших на него столь сильное влияние. Поэтому данная подборка сделана в качестве предостережения. Он представляет собой лишь несколько примеров. Охватить всю проблему было бы невозможно. Вероятно, с 1914 по 1918 год в мире было больше преднамеренной лжи, чем за любой другой период мировой истории.

Есть несколько различных видов маскировки, которую может принять клевета. Есть преднамеренная официальная ложь, распространяемая либо для обмана соотечественников, либо для одурачивания заграничного врага; в этой работе дано несколько примеров. Как сказал один француз: "Пока народы вооружены друг против друга, у них будут лживые государственные деятели, так же как будут пушки и пулеметы".⁸

Военное Министерство издало циркуляр, поощряя офицеров рапортовать о военных происшествиях, в котором сообщалось, что строгая точность необязательна, пока существует правдоподобная вероятность.

Есть преднамеренная ложь, сфабрикованная изобретательным умом, которая может охватить лишь узкий круг лиц, но которая, если окажется достаточно выразительной и образной, может быть подхвачена и широко распространена; а также существуют истерические галлюцинации слабоумных личностей.

Есть ложь услышанная и не опровергнутая, хотя и бездоказательная, но повторяемая или допущенная к распространению.

Есть также неправильный перевод, иногда случающийся по ошибке, но чаще по намерению. Можно привести два небольших примера этого.

The Times (agony column⁹), 9 июля 1915:

Jack F. G. - If you are not in khaki by the 20th, I shall cut you dead. - Ethel M¹⁰.

Берлинский корреспондент Cologne Gazette перевел это как: Если ты не будешь в хаки к 20-му, hacks ich dich Tode (я зарублю тебя насмерть)¹¹.

⁸ Это высказывание "Tant que les peuples seront armes, les uns contre les autres, ils auront des hommes d'etat menteurs, comme ils auront des canons et des mitrailleuses." принадлежит [Ромену Роллану](#).

⁹ Буквально "колонка страданий" - традиционное британское название колонки частных объявлений.

¹⁰ Перевод: "Джек Ф. Г. - Если ты не будешь в хаки к 20-му числу, я буду тебя наотрез игнорировать. - Этель М." Некая Этель извещает Джека через газету - либо идешь добровольцем на фронт, либо между нами все кончено. До марта 1916 года в Британии не было принудительного призыва в армию, однако общественное давление на не служивших мужчин было весьма существенным. Участники печально известной [White Feather Campaign](#) стыдили невоеннообязанных мужчин, вручали им белые перья как символ их трусости, призывая к добровольной службе в армии. Правительство считало эту кампанию успешной, и поддерживало её лидеров, например [Кристабель Панкхёрст](#), денежными грантами.

¹¹ Английская идиома "cut you dead" (наотрез игнорировать, в упор не замечать) намеренно переведена дословно (зарубить

Во время блокады Германии было высказано предположение, что болезни, от которых страдали дети, назывались Die Englische Krankheit¹² как отражение извечной английской бесчеловечности. На самом деле Die Englische Krankheit всегда было распространенным немецким названием рахита.

Есть общая одержимость, начатая слухами, усиленная повторением и развитая истерией, которая, наконец, получает всеобщее признание.

Есть преднамеренная подделка, которая должна быть очень тщательно изготовлена, и нацелена на кратковременное использование, даже если она будет неминуемо разоблачена.

Есть пропуск отрывков из официальных документов, из которых приведены лишь некоторые из множества примеров; и "правильность" слов и запятых в парламентских отчетах, за которыми скрываются уклонения от истины.

Есть преднамеренное преувеличение, как, например, сообщения о разрушении Лувена: "Интеллектуальная столица Нидерландов с пятнадцатого века теперь не более чем груда пепла" (Бюро печати, 29 августа 1914 года), "Лувен перестал существовать" (The Times 29 августа 1914 года). На самом деле было подсчитано, что пострадала лишь примерно восьмая часть города.

Есть сокрытие истины, к которому приходится прибегать, чтобы не допустить никакой выгодной врагу информации к публикации. Военный корреспондент, упомянувший о некоем рыцарском поступке немца по отношению к британцу во время боя, получил укоризненную телеграмму от своего работодателя: "Ни о каких хороших немцах слышать не желаю"; а [сэр Филипп Гиббс](#) в книге [Realities of War](#) говорит: "К концу дня немцы проявили рыцарство, о чем в то время мне запретили рассказать".

Есть фальшивые фотографии ("камера не может лгать"). Во Франции они были более популярны, чем у нас. В Вене предприимчивая фирма предлагала фотографии злодеяний с пробелами для заголовков, чтобы их могла использовать в пропагандистских целях любая из сторон.

Кинематограф также сыграл очень важную роль, особенно в нейтральных странах; он значительно помог изменить американское общественное мнение в пользу выступления на стороне союзников. По сей день в нашей стране делаются попытки с помощью фильмов поддерживать рану открытой.

Есть "русский скандал", лучшим примером которого во время войны, как ни странно, был слух о переброске русских войск через Британию. Некоторое незначительное и не до конца понятое заявление раздувается до огромных масштабов постоянными пересказами его от человека к человеку.

Ложь о зверствах была самой популярной из всех, особенно в нашей стране и в Америке; без неё не обходится ни одна война. Клевета на врага считается патриотическим долгом.

насмерть)

¹² дословно - английская болезнь

Английский солдат пишет (The Times, 15 сентября 1914 года): "Истории в наших газетах - лишь исключения. Такие люди есть в каждой армии". Истории о жестоком обращении с военнопленными должны распространяться преднамеренно и как можно скорее, чтобы предотвратить сдачу в плен. Делается это, разумеется, обеими сторонами. В то же время каждая сторона, естественно, старается как можно лучше обращаться со своими пленными чтобы привлечь других.

Повторение единичного случая жестокости и его преувеличение может быть искажено до якобы повсеместной практики врага. Каждый неосознанно передает эту историю с приукрашиваниями и при этом старается убедить себя, что говорит правду.

Есть ложь возникающая из присущей человеческим свидетельствам ненадежности и ошибочности. Никакие два человека не могут рассказать об уличном происшествии так, чтобы их истории совпали. А когда к этому примешиваются предвзятость и эмоции, показания людей становятся совершенно бесполезными. В военное время такие показания принимаются как неоспоримые. Достаточно самых вздорных и ненадежных доказательств - будь то "друг брата убитого", или, как выражается немецкий исследователь своих же лжецов, "некто кто это видел", или "чрезвычайно почтенная старушка".

Есть и чистая романтика. Письма солдат, коротавших дни и недели невыносимого ожидания перепиской с домом, порой содержали волнующие описания сражений и приключений, которых никогда не было.

Есть увертки, умолчания и полуправда, которые более искусно вводят в заблуждение, и постепенно становятся привычной практикой властей.

Есть официальная секретность, требующая намеренно вводить общественное мнение в заблуждение. Например, популярный английский автор, который вероятно был информирован лучше, чем большинство граждан, написал письмо американскому автору, которое было воспроизведено в прессе 21 мая 1918 года, и в котором говорилось:

Нет никаких секретных договоров в которых участвует наша страна. Это не раз публично и ясно заявлял наш Министр иностранных и, помимо вопроса чести, для любого британского чиновника было бы политическим самоубийством сделать подобное ложное заявление.

Тем не менее, существовал ряд секретных договоров. Справедливо будет отметить, что здесь лжет автор, а не Министр иностранных дел. Тем не менее, официальная брошюра [Правда о Секретных Договорах](#), составленная господином [МакКёрди](#), была опубликована с рядом непризнанных исключений, и как [лорд Роберт Сесил](#) в 1917 году, так и г-н [Ллойд Джордж](#) в 1918 заявили (последний - депутации от съезда профсоюзов), что наша политика не была направлена на развал Австро-Венгрии, хотя оба они знали, что по тайному договору, заключенному с Италией в апреле 1915, части Австро-Венгрии должны были быть переданы Италии, а сама она должна была быть отрезана от моря. Секретные договоры, естественно, предполагают постоянное отрицание истины.

Есть мнимое официальное возмущение, основанное на подлинном народном возмущении, являющееся формой лжи, которую иногда используют по неосторожности, и о чём впоследствии сожалеют. Первое применение газа немцами и подводная война - хорошие тому примеры.

Демонстрация презрения к противнику может оказаться неразумной формой клеветничества. Было время, когда немецких солдат было принято изображать съезжившимися, с поднятыми руками, вопящих “Камерад”, пока ответственные за прессу и пропаганду не заметили, что людей интересует: если мы воюем с таким противником, почему мы не стерли его с поля боя за пару недель.

Есть личные обвинения и ложные доносы, сделанные в предвзятой атмосфере войны для дискредитации людей, отказывающихся принять общепринятое отношение к войне.

Есть взаимные лживые обвинения между странами. Например, немцев обвиняли в организации резни армян, а они со своей стороны, заявляли, что армяне, подстрекаемые русскими, убили 150,000 мусульман (Germania 9 октября 1915 года).

Могут быть найдены и другие, более тонкие и неуловимые разновидности клеветы, но приведенные выше довольно хорошо раскрывают суть.

Многое зависит от качества лжи. Вы должны использовать интеллектуальную ложь для интеллектуальных людей и грубую ложь для всеобщего потребления, однако если ваша ложь для простолюдинов слишком откровенна, это шокирует интеллектуалов, видящих ее насквозь, и они могут (так и произошло) начать подозревать, что их тоже пытаются одурачить. Тем не менее обитатели колледжей столь же доверчивы, как и обитатели трущоб.

Вероятно, ничто не произвело на общественность большего впечатления — и это справедливо для всех стран, — чем помощь в пропаганде со стороны интеллектуалов и известных литераторов. Они сумели облачать грубую ткань лжи в литературные достоинства и пассажи красноречия лучше государственных деятелей. Иногда мнимой беспристрастностью, иногда риторическим негодованием, своим литературным мастерством они могли придать той или иной лжи несомненной достоверности, даже без тени доказательства, или, кроме прочего, ссылаться на нее как на общепризнанный факт. Самый узколюбый патриотизм мог быть представлен благородством, самые гнусные обвинения могли быть представлены порывом возмущенного гуманизма, а самые низкие и самые мстительные цели ложно маскировались под идеализм. Законным было все, что могло заставить солдат продолжать войну.

Лихорадочная деятельность священнослужителей по вербовке с помощью военной пропаганды произвела столь глубокое впечатление на общественное сознание, что здесь не требуется особых комментариев. Те немногие, кто мужественно выделялся, стали изгоями. В результате церковь значительно утратила духовное влияние, что само по себе стало показательной реакцией на предательство в стрессовой ситуации самых элементарных заповедей христианства, особенно со стороны тех, кому доверено нравственное благополучие людей.

Война ведется в тумане клеветничества, многое из которого не раскрыто и принимается за истину. Туман этот возникает от страха и подпитывается паникой. Любая попытка усомниться или опровергнуть даже самую фантастическую историю должна быть немедленно осуждена как не патриотическая, если не предательская. Это дает свободу быстрому распространению лжи. Если бы ложь использовалась только для обмана врага в войне, то о ней не стоило бы беспокоиться. Однако, поскольку её цель во многом состоит в разжигании возмущений и побуждении цвета молодежи страны к готовности принести высшую жертву, ложь становится серьезным делом. Поэтому её разоблачение может быть полезным даже после оконча-

ния войны, для выявления шарлатанства, лицемерия и надувательства, на которых держится любая война, а также вопиющие и вульгарные приемы, которые так долго использовались для сокрытия от бедных и невежественных людей истинного смысла войны.

Следует признать, что многие люди были сознательными и добровольными жертвами обмана. Но гораздо больше было бессознательных и искренних в своем патриотическом рвении. Теперь, обнаружив, что на них практиковалась искусно и тщательно инсценированная клевета, они испытывают негодование, которое не только помогло им самим открыть глаза, но также может побудить их заставить своих детей держать глаза открытыми, когда в следующий раз зазвучит боевая труба.

Давайте попробуем провести очень неполную и приблизительную аналогию между поведением наций и поведением отдельных личностей.

Представьте себе два больших загородных дома, в которых живут большие семьи с друзьями и родственниками. Когда члены семьи одного дома остаются в другом, дворецкому приказано открывать все письма, получаемые и отправляемые, и сообщать хозяину их содержание, подсматривать в замочную скважину и подслушивать телефон. Когда между ними разыгрывается большой матч, скажем, по крикету, волнующий весь район, отсутствующим сообщают ложные сведения об игре, чтобы заставить их поверить что их команда побеждает; при этом другую сторону обвиняют в мошенничестве и нечестной игре, распространяя скандальные слухи о главе семьи и ужасных событиях, происходящих в его доме.

Все это, конечно, очень мягко, и никаких особенных последствий не было бы, если люди повели бы себя так низко, подло, и по-хамски, кроме того что их немедленно изгнали бы из приличного общества.

Но между нациями, где последствия критичны, где судьба стран и провинций висит на волоске, затрагиваются жизни и состояния миллионов, и сама цивилизация находится под угрозой, самые честные люди искренне верят, что нет никакой глубины двуличия до которой они не могут вполне законно снизойти. Они должны это сделать. Дело не может продолжаться без помощи лжи.

Это не призыв к тому, что ложь не должна использоваться в военное время, а демонстрация того, как ложь должна использоваться в военное время. Если бы правда была сказана с самого начала, то не было бы ни причин, ни желания воевать.

Всякий, говорящий истину: "Прав ты или не прав, выиграешь ты или проиграешь, война ни при каких обстоятельствах не поможет ни тебе, ни твоей стране", очень скоро окажется в тюрьме. В военное время не лгать — это преступная небрежность, сомневаться - административно наказуемый проступок, а говорить правду - преступление.

В будущих войнах нам предстоит рассчитывать на новый и гораздо более эффективный инструмент пропаганды - государственный контроль над транслированием информации. В то время как в прошлом мы использовали слово "трансляция" символически, подразумевая усилия прессы и отдельных репортеров, в будущем мы должны использовать это слово буквально, поскольку теперь клевета может распространяться повсеместно, научно и решительно.

Многие приведенные образцы, являются международными, но некоторые - исключительно британские, так как их легче найти и исследовать; в конце концов, нас больше заботят методы наших собственных правительства и прессы, и наша собственная национальная честь, чем двуличие других правительств.

Ложь, используемая в других странах, также расследуется в тех случаях, когда удалось собрать достаточно данных. Без специального расследования на местах невозможно полностью установить пути конкретной лжи.

Когда жители одной страны поймут что жителей другой страны во время войны одурачивают так же, как и их самих, они будут скорее сочувствовать им как жертвам, чем осуждать их как преступников; потому что они поймут, что их преступление состояло только в подчинении диктату властей и принятии того, что их правительство и пресса представляли им как истину.

Охватываемый период составляет примерно четыре года войны. Интенсивность лжи снизилась после 1918 года, хотя свежие посеы появились в связи с другими нашими международными отношениями. Зло, нанесенное ложным лозунгом "Заставь Германию заплатить", продолжалось и после 1918 года и привело, особенно во Франции, к завышенным ожиданиям и последующему возмущению, когда обнаружилось, что люди, выдвигавшие этот лозунг, все время осознавали его фантастическую невозможность. Многие клеветнические истории былых войн сохранялись в течение многих лет, а некоторые сохранились и по сей день.

В разоблачениях, содержащихся на этих страницах, нет ничего сенсационного. Все упомянутые случаи хорошо известны тем, кто был у власти, менее известны тем, кто пострадал в первую очередь, и неизвестны, к сожалению, миллионам павших. И хотя освещена лишь малая часть огромного поля клеветы, этого может быть достаточно, чтобы показать, как безжалостно и систематически эксплуатировалась ничего не подозревающая невинность масс во всех странах.

Есть те, кто возражает против войны из-за ее аморальности, есть те кто боится возросшей жестокости и варварства вооружений; растет число тех, кто протестует против этого изначально безуспешного метода урегулирования международных споров из-за его глупости и бесполезности. Но нет ни одной живой души ни в одной стране, которая не была бы глубоко возмущена разжиганием её страстей, остервенением её негодования, эксплуатацией её патриотизма; когда её высшие идеалы оскверняются сокрытием, уловками, мошенничеством, ложью, хитростью и преднамеренной клеветой со стороны тех, кому её учили доверять и к кого она обязана уважать.

Никто из героев, готовых к страданиям и жертвам; никто из простолюдинов, готовых к служению и повиновению, не будет склонен слушать зов своей страны, как только он обнаружит оскверненные источники, откуда исходит этот зов, и узнает чудовищный перст клеветы, манящий его на поле боя.

I. Обязательство перед Францией

Наше быстрое вступление в европейскую войну в 1914 году было вызвано нашим обязательством Франции. Это обязательство не было известно людям; оно не было известно Парламенту; оно не было известно даже всем членам Кабинета. Более того, его существование отрицалось.

Насколько обязывающим было это моральное соглашение, скоро выяснилось. Тот факт, что этот договор не был подписан, не имеет совершенно ничего общего с обязательствами, достигнутыми в результате многолетних военных и военно-морских переговоров.

Мало того, что это называлось "долгом чести" ([лорд Лэнсдаун](#)), "соглашением" ([Ллойд Джордж](#)), "почетным ожиданием" ([сэр Айра Кроу](#)), "теснейшими переговорами и соглашениями между двумя правительствами" ([г-н Остин Чемберлен](#)), но сам [лорд Грей](#) признал, что, если бы мы не встали на сторону Франции (не говоря уже о нарушении бельгийского нейтралитета), он бы ушел в отставку.

То, что лорд Грей был вынужден делать вид, что мы "не связаны", вызвало изумление у его самых горячих поклонников, секретность соглашения была предметом резкой критики со стороны государственных деятелей всех партий.

Во всей довоенной дипломатии не выделяется более существенного события, а простое перечисление отрицаний, уклонений и уловок трагически иллюстрирует низкий стандарт национальной чести в отношении войны, и это признают государственные деятели, чья персональная честь безупречна.

Следует помнить, что переговоры, предполагающие тесные консультации между военными и военно-морскими штабами, начались до 1906 года. Первое явное отрицание было сделано в 1911 году. Нижеследующие выдержки могут быть даны с небольшими дополнительными комментариями.

"Г-н [Джоуэтт](#) спросил Министра иностранных дел, давались ли Франции в течение срока его полномочий какие-либо обязательства, обещания или договоренности о том, что в определенных случаях британские войска будут отправлены для поддержки операций французской армии."

Г-н [МакКиннон Вуд](#) (заместитель министра иностранных дел): "Ответ отрицательный". (Палата общин, 8 марта 1911 года).

[Сэр Э. Грей](#): "Прежде всего позвольте мне попытаться развеять некоторые подозрения в отношении секретности — подозрения, которыми, как мне кажется, некоторые люди мучают себя и, безусловно, беспокоят других.

Мы представили Палате секретные статьи соглашения с Францией 1904 года. Других секретных обязательств нет. Предыдущее правительство заключило это соглашение в 1904 году. Они держали эти статьи в секрете, и я думаю, всем будет очевидна причина, по которой они это делали. Публикация этих статей вызвала бы возмущение.

По моему мнению, они имели полное право держать эти статьи в секрете, потому что они не были статьями, налагающими на Палату серьезные обязательства. Я видел комментарий, сделанный на днях, после опубликования этих статей, что если правительство будет держать в секрете малое, а *fortiori* <Латынь - тем более>, они будут держать в секрете и большое. Это абсолютно неверно.

Могут быть причины, по которым правительству следует проводить тайные мероприятия такого рода, если они не являются делами первостепенной важности, и если они второстепенны по отношению к вопросам большой важности.

Но именно по этой причине британскому правительству не следует брать на себя тайные обязательства, обязывающие парламент выполнять военные обязательства. Было бы глупо это делать.

Ни одно британское правительство не может начать войну без поддержки общественного мнения, и те обязательства, которые действительно обязывают парламент к чему-либо подобному, содержатся в договорах или соглашениях, представленных на рассмотрение Палаты. Что касается нас, мы не заключили ни единой секретной статьи с тех пор, как вступили в должность.” (Палата общин, 17 ноября 1911 года)

Все это — тщательное и преднамеренное уклонение от сути дела.

В августе 1914 года для каждого в Великобритании не было ничего очевиднее, чем то, что наша договоренность с Францией была "тайным соглашением, обязывающим парламент к войне".

Г-н [Уинстон Черчилль](#) в меморандуме сэру Э. Грею и премьер-министру от 23 августа 1912 года писал: "Каждый, кто знает факты, должен чувствовать, что мы имеем обязательства союза без его преимуществ и, прежде всего, без его точного определения" ([The World Crisis](#), vol.1, p.115).

В 1912 году министр иностранных дел России [М. Сазонов](#) докладывал царю:

“Англия обещала поддержать Францию на суше, направив к бельгийской границе экспедиционный корпус в 100,000 человек для отражения ожидаемого французским Генеральным штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию”.

[Лорд Хью Сесил](#): ...Существует очень общее мнение, что эта страна¹³ связана обязательством, не договорным обязательством, а обязательством, возникающим из-за заверения, данного министерством в ходе дипломатических переговоров, направить очень большие силы для действий в Европе.

[Г-н Асквит](#): “Я должен сказать, что это неправда”. (Палата общин, 10 марта 1913).

[Сэр Уильям Байлз](#) спросил премьер-министра, “скажет ли он, несет ли эта страна какое-либо обязательство перед Францией, и если да, то должны ли мы направить в определенных обстоятельствах вооруженные силы для действий в Европе; и если да, то каковы ограничения наших соглашений, будь то гарантия или договор с французским народом”.

¹³ Британский парламент, суды, и пресса намеренно используют термин "эта страна" вместо "наша страна". Принято считать что правовая традиция обращаться к государству как к институту, действующему в рамках закона, позволяет автору сохранять позицию стороннего наблюдателя, а не выразителя патриотических чувств. Использование термина "наша страна" предполагает, что автор выражает мнение всех граждан, и воспринимается как самонадеянность. Термин "эта страна" - нейтральное указание на территорию и юрисдикцию, не навязывающее единство мнений.

[Г-н Кинг](#) спросил премьер-министра

(1) не сдерживается ли в настоящее время внешняя политика этой страны какими-либо договорами, соглашениями или обязательствами, в соответствии с которыми британские вооруженные силы в определенных случаях будут высаживаться на континент и участвовать там в военных действиях; и

(2) предлагала ли эта страна в 1905, 1908 или 1911 году Франции помощь британской армии для высадки на континенте для поддержки Франции в случае европейских военных действий”.

[Г-н Асквит](#): Как уже неоднократно заявлялось, эта страна не несет никаких обязательств, кроме публичных и известных парламенту, которые вынуждают ее принимать участие в какой-либо войне. Другими словами, если между европейскими державами возникнет война, не будет неопубликованных соглашений, которые ограничили бы или затруднили бы свободу правительства или парламента решать, должна ли Великобритания участвовать в войне. Использование военно-морских и вооруженных сил, если правительство или парламент решат принять участие в войне, по очевидным причинам не является вопросом, о котором можно делать публичные заявления заранее. (Палата общин, 24 марта 1913).

[Сэр Эдуард Грей](#): Я заверял Палату, а премьер-министр неоднократно заверял Палату, что если возникнет какой-либо кризис, подобный этому, мы должны предстать перед Палатой общин и иметь возможность сказать Палате, что она свободна решать, какой должна быть позиция Палаты; что у нас нет тайных обязательств, которые мы должны навязать Палате и сообщить Палате, и что, поскольку мы приняли это обязательство, перед страной лежит обязательство чести... Я полагаю, [письмо] совершенно ясно дает понять, что сказанное мною и Премьер-министром в Палате общин, было совершенно оправдано в отношении нашей свободы определять наши действия в кризисной ситуации, должны ли мы вмешиваться или должны воздерживаться. Правительство оставалось совершенно свободным, и a fortiori <Латынь - тем более> Палата общин оставалась совершенно свободной. (Палата общин, 3 августа 1914).

Тем не менее все приготовления были проведены до мельчайших деталей, о чем свидетельствует незамедлительная, тайная и хорошо организованная отправка экспедиционного корпуса.

Еще 31 января 1906 г. сэр Эдуард Грей написал нашему послу в Париже, описав разговор с г-ном [Камбоном](#)¹⁴.

“Во-первых, с тех пор, как посол поговорил со мной, был достигнут значительный прогресс. Наши военные и военно-морские власти поддерживали связь с французами, и я полагал, что все приготовления были готовы, так что, если возникнет кризис, не нужно будет терять время на организацию формальных соглашений”.

[Лорд Грей](#) пишет в своей книге [Двадцать пять лет](#) (опубликована в 1925 году) о своем заявлении в августе 1914:

“У читателя, рассматривающего переговоры с [Камбоном](#) в 1906 году, создается впечатление, что консультации вели не только британские и французские военные, но и флотов. Однако

¹⁴ В то время - посол Франции в Германии

военно-морские консультации были установлены на удовлетворяющем Франции уровне в 1905 году, до прихода к власти Либерального правительства. Новый шаг, предпринятый нами в январе 1906 года, заключался в санкционировании военных переговоров на том же уровне что и военно-морских.

Было сочтено необходимым дать понять Палате, что ее свобода принятия решений не ограничивается какими-либо обязательствами, заключенными ранее без ее ведома. Какие бы обязательства не были даны Франции, они вытекали из того, что должны были чувствовать те, кто приветствовал, одобрял и поддерживал англо-французскую дружбу, открытую и известную всем.

В этой связи нечего было раскрывать, кроме обязательства о северном и западном побережьях Франции, принятого несколькими часами ранее, и переписки с Камбоном в 1912 году, - письма, в котором прямо указывалось, что договоренности не было.

Одной из вещей, которая существенно способствовала единодушию в стране (в начале войны), было то что Кабинет смог предстать перед Парламентом и заявить, что они не заключали тайного соглашения за их спинами.

[Виконт Грей](#), получая звание Почетного гражданина Глазго 4 января 1921 года. (The Times)

Его постоянное повторение этого заверения является лучшим доказательством его естественного и очевидного сомнения в том, что это правда. Но спустя годы он продолжает попытки самооправдания в своей книге [Двадцать пять лет](#). Излагая соображения, которые он учитывал до начала войны:

(3) Что, если война начнется, интересы Британии потребуют, чтобы мы не оставались в стороне, пока Франция сражается в одиночку на западе, а должны поддержать ее. Я осознавал сомнительность того, что кабинет, парламент и страна воспримут эту точку зрения в начале войны, и в течение всей этой недели я имел в виду вероятное развитие событий, при котором мы не решимся в критический момент поддержать Францию. В этом случае мне пришлось бы уйти в отставку...

(4) Четкое убеждение, что нельзя давать никаких обещаний, и даже никаких надежд Франции и России, если есть сомнения что эта страна их выполнит. Я видел одну опасность... Она заключалась в том, что Франция и Россия могут столкнуться с испытанием войной с Германией, полагаясь на нашу поддержку; что этой поддержки может и не быть, и что когда будет уже слишком поздно, они могут возложить на нас ответственность за их втягивание в гибельную войну. Конечно, я мог бы уйти в отставку, если бы дал им надежду, которую Кабинет министров и Парламент не санкционируют. Но какая польза от моей отставки для их судеб?

Прочитав вопросы [Кинга](#) и [Байлса](#) от 11 июня 1914 года, он говорит:

"Данный ответ абсолютно верен. Критика, которой он подвергается, заключается в том, что он не отвечает на поставленный передо мной вопрос. Это неоспоримо. Парламент имеет безоговорочное право знать о любых соглашениях или договоренностях, которые обязывают страну действовать или ограничивают ее свободу. Но этого нельзя сказать о военных и военно-морских мерах на случай возможных непредвиденных обстоятельств. Пока правительства вынуждены рассматривать возможность войны, они вынуждены принимать меры предосторожности, цель которых была бы подорвана, если бы они были обнародованы... Если бы вопрос

был поставлен, я должен был бы отказаться ответить на него и привести эти причины в оправдание моих действий. Прошлогодние вопросы о военных договоренностях с Францией были отложены премьер-министром с аналогичным ответом.

Ни франко-британские военные, ни англо-русские военно-морские переговоры не ставили под угрозу свободу этой страны, но последние были менее тесными и важными, чем первые. Поэтому я имел полное право сказать, что заверения Премьер-министра, остаются в силе. Не было сделано ничего, что могло бы их ослабить, и именно это заверение Парламент был вправе получить. Политические обязательства не должны быть тайными; военно-морские или военные приготовления к непредвиденным обстоятельствам войны необходимы, но обязаны храниться в секрете. В этих случаях были предприняты меры для обеспечения того, чтобы такие приготовления не влекли за собой никаких политических обязательств.

В недавно опубликованном официальном меморандуме от сэра [Айра Кроу](#) сэру Эдварду Грею от 31 июля 1914 года, говорится:

“Утверждение об отсутствии письменных обязательств, связывающих нас с Францией, абсолютно верно. Договорных обязательств нет. Но [Антанта](#) была создана, укреплена, испытана и оправдана верой в то, что ковалась моральная связь. Вся Антанта не может иметь никакого значения, если она не означает, что в справедливой войне Англия поддержит своих друзей. Это благородное намерение состоялось. Мы не можем отказаться от него, не подвергнув наше доброе имя безжалостной критике.

Осмелюсь думать, что утверждение о том, что Англия ни при каких обстоятельствах не может начать войну, не соответствует действительности и что всякое его одобрение было бы политическим самоубийством”.

Это простая, основанная на здравом смысле официальная точка зрения была известна сэру Э. Грею. Настаивать на том, что парламент свободен, потому что "благородное намерение" не было зафиксировано в письменной форме, было прискорбной уловкой.

[Лорд Лансдаун](#) в Палате лордов 6 августа 1914 года после ссылки на "Договорные и другие обязательства, которые не менее нерушимы, поскольку они не закреплены в подписанных и скрепленных печатью документах", сказал:

“Под одну категорию подпадает наш договор и обязательства перед Бельгией... К другой категории относятся наши обязательства перед Францией - долг чести, выросший вследствие тесной близости, объединившей две нации за последние нескольких лет”.

Идея о том, что Парламент был свободен и с ним проводились консультации 3 августа, также несостоятельна и фиктивна, поскольку уже 2 августа правительство гарантировало морскую защиту французского побережья и судоходства. В любом случае Парламент не был свободен от уже возложенных на себя обязательств, но это сделало "консультацию" и парламентское одобрение абсолютным фарсом.

Как писала “The Times” 5 августа, этой гарантией Великобритания "определенно встала на сторону Франции"; а г-н [Камбон](#), французский посол, в беседе с г-ном [Рекули](#) сказал: "Великая страна не может вести войну вполсилы. Как только принято решение воевать на море, она неминуемо обязана воевать и на суше". (Les Heures tragique d'avant Guerre, p.55)

Можно привести мнение прессы об этом обязательстве:

Возьмем еще один памятный каждому пример, а именно договор о сотрудничестве военных штабов Великобритании и Франции перед войной. Только накануне военных действий Палата общин узнала о характере этого договора.

Тогда сэр Эдвард Грей объяснил, что Великобритания не обязывалась гарантировать военную помощь Франции. Договора не было. Не было обсуждения. Таким образом, Великобритания была вольна оказать помощь или отказать в ней, и тем не менее, хотя формального договора и не было, мы были связаны всеми представлениями о чести, и национальная совесть инстинктивно чувствовала это, однако лишь вторжение в Бельгию убедило колеблющихся и сомневающихся.

Эта ситуация возникла в результате тайной дипломатии, и нельзя допустить его повторения по той же причине. Ибо мы не можем представить себе ничего более опасного, чем для правительства взять на себя обязательства чести, пусть и неофициальные, а затем не провести адекватной военной подготовки на том основании, что официальный договор не был заключен. ("Daily Telegraph", сентябрь 1917 года).

[Лорд Холдейн](#) в своей книге [Before the war](#) откровенно признает чем он занимался в 1906 году. Он говорит что проблема, возникшая перед ним в 1906 году была "как мобилизовать и сосредоточить в месте сбора напротив бельгийской границы", британский экспедиционный корпус численностью 160,000 человек.

Г-н [Ллойд Джордж](#) (говоря о начале войны): У нас была договоренность с Францией о том что, если она будет неспровоцированно атакована, Соединенное Королевство ей поможет.

г-н [Хогге](#): Мы этого не знали!

г-н Ллойд Джордж. Если Франция неспровоцированно атакована.

Достопочтенный Член Палаты: Это новость.

Г-н Ллойд Джордж: Не было соглашения о том, какие силы мы должны задействовать... Какие бы соглашения мы ни заключали, я думаю, история покажет, что мы более чем сдержали свое слово.

(Палата общин, 7 августа 1918 года).

Таким образом, несмотря на заверения лорда Грея о свободе Парламента, становится ясно: если бы Парламент выбрал другой путь, Великобритания нарушила бы свое обещание Франции.

Можно привести некоторые иностранные мнения:

В Палате депутатов Франции 3 сентября 1919 года г-н [Франклин-Буйон](#), критикуя предложенный в 1919 году Тройственный союз, между французским, британским и американским правительствами, заявил, что Франция была лучше защищена англо-французским соглашением 1912 года, "которое гарантировало нам поддержку шести дивизий", и — после того, как г-н [Тардье](#) перебил его, — согласился с тем, что в "тексте" соглашения не было указано шесть дивизий, но что штабное сотрудничество "заранее подготовило все для мобилизации и немедленной отправки шести дивизий".

В апреле 1913 года [г-н Сазонов](#) докладывал царю:

"Грей без колебаний заявил, что в случае возникновения обсуждаемых условий Англия поставит на кон все, чтобы нанести самый серьезный удар германской мощи... Исходя из этого, Грей, на собственной инициативе, подтвердил то, что я уже знал от [Пуанкаре](#), - существование соглашения между Францией и Великобританией, по которому Англия обязывалась в случае войны с Германией не только прийти на помощь Франции на море, но и высадить десант на континенте".

"Предполагалось вмешательство Англии в войну. С Англией существовала военная договоренность, которую нельзя было разглашать, так как она носила секретный характер. Мы опирались на шесть английских дивизий и на участие бельгийцев". ([Маршал Жоффри](#) перед Парижской комиссией, 5 июля 1919)

Сравнение последовательных планов кампании Французского Генерального штаба позволяет нам определить точный момент, когда сотрудничество с Англией, вследствие этих обещаний, стало частью нашей военной стратегии. План 16 не допускал этого; План 16А, разработанный в сентябре 1911 г., учитывает присутствие Английской Армии на нашем левом фланге. Военный министр [Мессими](#) сказал:

Наши беседы с [генералом Вильсоном](#), представляющим британский генеральный штаб в [Агадирском кризисе](#), дали нам уверенность в английском вмешательстве в случае конфликта. Представитель британского генерального штаба обещал помощь в 100,000 человек, но с условием, что они должны высадиться во Франции, поскольку, как он утверждал, высадка в Антверпене займет гораздо больше времени. ([La Victorie](#) by [Fabre Luce](#)).

Британский и французский генеральные штабы в течение многих лет тесно консультировались друг с другом по этому вопросу. Район сосредоточения британских войск был зафиксирован на левом фланге французов, а фактические станции выгрузки различных частей были расположены на местности, лежащей между [Мобёжом](#) и [Ле-Като](#). В последнем месте был закреплен штаб армии. (Some War Diaries by [лорд Френч](#), 1919).

Что касается опасности секретности, которая была причиной опровержений и уклонений, можно привести три цитаты.

Г-н [Бонап Лоу](#): ... Говорили — и я думаю, что это, скорее всего, правда, — что если бы Германия знала наверняка, что Великобритания примет участие в войне, войны никогда бы не случилось. (Палата общин, 18 июля 1918)

[Лорд Лореберн](#) в книге [How the war came](#) (Как началась война) говорит: "Соккрытие этого от Кабинета министров было длительным и, должно быть, преднамеренным".

Г-н [Остин Чемберлен](#): ... В один из понедельников с этой трибуны мы услышали речь лорда Грея, которая поставила нас лицом к лицу с войной, и за которой последовало наше объявление войны. Это было первым публичным уведомлением страны или или кого-либо вообще, со стороны правительства того времени о позиции британского правительства и о взятых на себя обязательствах ... Была ли Палата Общин свободна в принятии решений? Благодаря договоренностям между двумя правительствами, французское побережье оставалось

незащищенным — я говорю не о Бельгии, а о Франции. Были самые тесные переговоры и договоренности между двумя нашими правительствами и двумя нашими штабами. Не было ни слова на бумаге, связывающей эту страну, но она была связана честью, как никогда ранее, — я не говорю что неправомерно; я думаю что справедливо.

Г-н [Т.П. О'Коннор](#): “Это не должно было быть секретом”.

Г-н [Чемберлен](#): “Я согласен. Именно в этом суть, и сейчас я перехожу к ней. Можем ли мы когда-нибудь остаться равнодушными к французской границе или к судьбе Франции? Дружественная держава, владеющая портами Ла-Манша, является британским интересом, с договором или без договора ... Предположим, что это обязательство было взято публично при свете дня. Предположим, оно было представлено этой Палате и одобрено этой Палатой, разве события тех августовских дней не могли бы быть другими? Если бы наши обязательства были обнародованы и определены, то, по меньшей мере возможно, и я полагаю что вероятно войны удалось бы избежать в 1914 году”

(Палата общин, 8 февраля 1922).

Поэтому не может быть сомнений в том, что преднамеренные опровержения и уловки, сохранявшиеся до последнего момента и чреватые последствиями такого масштаба, представляют собой не имеющую аналогов страницу в истории тайной дипломатии, и ярко иллюстрируют скользкую дорожку официальных замалчиваний.

II. Сербия и убийство эрцгерцога

Убийство в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда, племянника императора Франца-Иосифа, и последовавший за ним австрийский ультиматум иногда называют причиной войны, тогда как, конечно, они были только поводом — спичкой, которая подожгла пороховой погреб. Этот инцидент ни в коем случае не годился для пропаганды. К счастью для Правительства, сараевскому убийству, вместе с тайным обязательством перед Францией было позволено отойти на второй план после вторжения в Бельгию.

Было чрезвычайно трудно популяризировать сербские события. [Джон Булль](#)¹⁵ немедленно разразился воплем "К черту Сербию", и большинство людей, естественно, не хотели быть втянуты в европейскую войну из-за этого. Некоторые задавались вопросом, какой была бы позиция нашего собственного Правительства, если бы при аналогичных обстоятельствах был убит принц Уэльский, и сомневались. Поэтому пришлось официально отреагировать на сербские события, и "бедная маленькая Сербия" должна была быть представлена невинной малой нацией, подвергшейся оскорбительной жестокости австрийцев.

Следующая выдержка из редакционной статьи The Times от 15 сентября 1914 года является хорошим примером взбудораживания общественного мнения:

Письмо, опубликованное сегодня утром [Сэрлом Валентином Хиролом](#) - это долгожданное напоминание о нашем долге перед доблестной армией и народом... Мы слишком склонны не замечать великолепного героизма сербского народа и жертв, которые он понес... И Сербия вполне заслужила поддержку... Мы также не должны забывать, что эта европейская освободительная война была спровоцирована Австро-Германской агрессией против Сербии. Обвинения в соучастии в сараевском преступлении, выдвинутые против Сербии в качестве предлога для агрессии, не подтвердились. Более чем сомнительно, что они вообще доказательны... Таким образом, имея все основания не принимать австрийские обвинения, есть самые веские причины оказать эффективную помощь доблестному союзнику, который на протяжении столетия сражался, защищая принцип независимости малых государств, который мы сами сейчас отстаиваем всеми силами нашей империи.

Г-н Ллойд Джордж, выступая в [Куинс-холле](#) 21 сентября 1914 года, сказал:

Если некие сербы были замешаны в убийстве эрцгерцога, они должны быть наказаны за это. Сербия это признает. Сербское правительство не имело к этому никакого отношения. Даже Австрия этого не утверждала. Премьер-министр Сербии — один из самых компетентных и уважаемых людей в Европе. Сербия была готова наказать любого из своих подданных, чья причастность к этому убийству была бы доказана. Чего еще можно было ожидать?

Журнал [Punch](#) преподнес нам "Героическую Сербию" - доблестного серба, защищающегося на горном перевале.

¹⁵ СобираТЕЛЬный образ типичного англичанина, олицетворение Британии.

В период с 28 июня по 23 июля 1914 года сербское правительство не произвело арестов и не предоставило объяснений. Австрийскому представителю фон Шторку¹⁶ было сказано: "Полиция этим делом не занималась".

Создавалось впечатление, что преступниками были совершенно безответственные люди, неизвестные властям. По мере продолжения войны, этот вопрос был упущен из виду, а наш сербский союзник и его правительство повсеместно признавались одной из малых оскорбленных наций, за освобождение и права которых британские солдаты были готовы добровольно пожертвовать своими жизнями.

Разоблачения причастности сербского правительства к преступлению не появлялись вплоть до 1924 года, когда была опубликована статья "После Видовдана, 1914" [Любы Йовановича](#), председателя сербского Парламента, бывшего в 1914 году Министром образования в кабинете г-на [Пашича](#). Можно привести относящиеся к делу выдержки из этой статьи.

Я не помню, был ли это конец мая или начало июня, когда однажды г-н Пашич сообщил нам, что некие лица готовятся отправиться в Сараево, чтобы убить Франца Фердинанда, которого ожидали там, на [Видовдан](#) (воскресенье, 28 июня). При нас он сказал лишь это, но далее он действовал только со [Стояном Протичем](#), тогдашним Министром внутренних дел. Как они мне впоследствии рассказали, это было подготовлено секретной организацией и обществами патриотически настроенных студентов Боснии и Герцеговины в Белграде. Г-н Пашич и мы, остальные, сказали (и Стоян Протич согласился), что он, Стоян, должен приказать пограничной службе на реке [Дрина](#) не допустить перехода границы юношами, покинувшими для этого Белград. Но эти пограничники сами были членами организации и не выполнили приказа Стояна, а сказали ему, как он позднее рассказывал нам, что приказ пришел слишком поздно, так как юноши уже переправились. Таким образом, попытка Правительства предотвратить готовившееся покушение провалилась.

Отсюда очевидно, что весь Кабинет знал о заговоре за какое-то время до совершения убийства; что Премьер-министр и Министр внутренних дел знали, в каких обществах оно готовилось; что пограничная служба была глубоко замешана и работала по приказу организаторов преступления.

Провалилась также и попытка нашего [посла в Вене](#), предпринятая по его собственной инициативе, обратиться к [Министру Билинскому](#) с предложением отговорить эрцгерцога от запланированной роковой поездки. Таким образом, смерть эрцгерцога свершилась при более ужасных обстоятельствах, чем ожидалось, и с последствиями, которых никто не мог даже вообразить.

Никаких официальных инструкций в Вену для предупреждения эрцгерцога не посылалось. Посол действовал по собственной инициативе. Это дополнительно подтверждается заявлением г-на Пашича, процитированным в газете Standard, 21 июля 1914 года:

Если бы мы знали о заговоре против покойного эрцгерцога Франца Фердинанда, мы, безусловно, информировали бы австро-венгерское правительство.

Он знал о заговоре, но не предупредил австро-венгерское правительство.

¹⁶ Вильгельм фон Шторк (Wilhelm von Storck) был поверенным в делах Австро-Венгрии в Сербии. Его телеграммы о сараевском убийстве способствовали предъявлению жесткого ультиматума Сербии, и к началу Первой мировой войны.

В статье в Neues Wiener Tageblatt от 28 июня 1924 года [Йован Йованович](#), сербский посол в Вене, объяснил, что его предупреждение было выражено в форме личного, спонтанного мнения о том, что императорские маневры¹⁷ это провокация и что в эрцгерцога может выстрелить один из его собственных солдат.

Люба Йованович описывает, как он воспринял это известие:

В Видовдан (воскресенье, 28 июня 1914 г.) после полудня я был на даче в Сеняке¹⁸. Около 17 часов мне позвонил чиновник из Пресс-бюро и рассказал о происшествии в Сараево. И хотя я знал, что там готовится, все же, держа трубку, я будто получил неожиданный сильный удар. Когда позже новость подтвердили другие источники, меня охватила тяжелая тревога... Я видел, что положение нашего Правительства по отношению к другим правительствам будет очень трудным, гораздо хуже, чем после 29 мая 1905 года (убийство [короля Александра](#)).

В La Fédération Balkanique¹⁹ Никола Ненадович <псевдоним, настоящее имя [Мустафа Голубич](#)> утверждает, что [король Александр](#), посол России [Гартвиг](#) и русский военный атташе Арманов <правильно [Артамонов](#)>, а также [Пашич](#) <Премьер министр Сербии> были осведомлены о заговоре.

Австрийское правительство в своем ультиматуме потребовало ареста некоего [Цыгановича](#). Он был найден, но таинственным образом исчез. Этот человек сыграл важную роль. Полковник Симич в Clarté, май 1925 г., описывает его связующим звеном между Пашичем и заговорщиками и говорит: "г-н Пашич послал своего агента в Албанию".

Отчет о [суде в Салониках](#) показывает, что он был шпионом и агентом-provokатором сербского правительства. Он числился под "номером 412" в списке членов "[Черной руки](#)", известного и поощряемого правительством революционного общества (племянник г-на Пашича был его членом). Ее главой был [Дмитриевич](#), начальник разведывательного отдела генерального штаба, выдающаяся фигура, руководившая убийством короля Александра и его королевы в 1903 году.

Агентом «Черной руки» в Сараево был [Гачинович](#), организовавший убийство, причем планы были составлены за несколько месяцев до этого.

Первую попытку с бомбой предпринял [Чабринович](#), работник сербской государственной типографии.

Непосредственно убийство совершил [Принцип](#), буйный молодой человек, бывший просто орудием.

Когда он и другие убийцы были арестованы, они признались, что именно через Цыгановича их познакомили с майором [Танкосичем](#), снабдили оружием и обучили стрельбе. После суда в Салониках правительство Пашича отправило Цыгановича, в награду за его услуги, в Америку с фальшивым паспортом на имя Даниловича. По окончании войны Цыганович вернулся, и правительство предоставило ему участок земли в Ускубе, где он и поселился.

¹⁷ Императорские маневры были официальной причиной [визита эрцгерцога](#).

¹⁸ Престижный район Белграда где расположены посольства.

¹⁹ Эмигрантский политический журнал издававшийся в Вене в 1920-х годах.

Неудивительно, что австрийское правительство усмотрело вину сербского правительства в его отказе либо найти Цыгановича либо разрешить его поиск другим, и поэтому начало войну.

В белградском почтовом отделении была найдена открытка "до востребования", написанная из Сараево одним из преступников его товарищу в Белграде. Но это не было расследовано. Как говорит Люба Йованович:

В целом можно было ожидать, что Вене не удастся доказать какую-либо связь между официальной Сербией и событием на [Миляцке](#)²⁰.

Замечание сербского студента резюмирует дело: "Видите, план вполне удался. Мы создали Великую Сербию".

А сам г-н Пашич 13 августа 1915 года заявил: Никогда в истории не было лучших перспектив для сербской нации, чем возникшие после начала войны.

Для сербского правительства стало неожиданностью, что разоблачение Любы вызвало ажиотаж. Они полагали, что Великобритания поняла, что произошло, и в своем стремлении сразиться с Германией ухватилась за предлог. Однако когда всплыла правда, было возбуждено дело об исключении Любы из Радикальной партии. Тем не менее, ничто из происшедшего по этому поводу не вызвало у господина Пашича категорического отрицания обвинения, выдвинутого Любой. Насколько это было возможно, он избегал этого вопроса.

По всей видимости нет сомнений в том, что еще до окончания войны Британское военное министерство было официально проинформировано, что Димитриевич из сербского генерального штаба был главным организатором убийства. Он был казнен в Салониках в 1917 году, поскольку его существование сочли неудобным. Но когда дело дошло до разработки [Версальских мирных договоров](#), по этому поводу возник заговор молчания.

Этот ужасный пример обмана следовало бы квалифицировать как сербскую ложь, но его принятие было настолько широко распространено, что половина Европы стала виновной в соучастии в нем. И даже если бы правда дошла до других канцелярий и министерств иностранных дел держав Антанты во время войны, им было бы совершенно невозможно раскрыть ее. Однако, если бы правда была известна в июле 1914 года, мнение английского народа об австрийском ультиматуме сильно отличалось бы от того, каким оно было.

²⁰ Река, около моста через которую был убит Франц Фердинанд.

III. Вторжение в Бельгию как причина войны

Каковы бы ни были причины Великой войны, вторжение Германии в Бельгию определенно не было одной из них. Оно стало одним из первых следствий войны. Оно даже не было причиной нашего вступления в войну. Однако Правительство, понимая, насколько сомнительна вероятность возбудить общественный резонанс тайными обязательствами перед Францией, смогло, благодаря роковой ошибке Германии, представить вторжение в Бельгию и нарушение Договора о нейтралитете как причину нашего участия в войне.

Теперь мы знаем, что мы были связаны с Францией долгом чести; теперь мы знаем, что сэр Эдвард Грей ушел бы в отставку, если бы мы не встали на сторону Франции, и мы также знаем, что г-н [Бонап Лоу](#) обязал Консервативную партию поддержать войну ещё до того, как возник вопрос о вторжении в Бельгию.

“Правительство уже знает, но теперь я заверяю их от имени партии, лидером которой я являюсь в этой Палате, что какие бы шаги они ни сочли необходимым предпринять ради чести и безопасности этой страны, они могут полагаться на безоговорочную поддержку оппозиции.” (Цитируется по книге [Twenty Five Years](#) виконта [Грея](#))

Вторжение в Бельгию стало божьим даром для Правительства и Прессы, и они тут же ухватились за этот предлог, полностью осознавая его ценность с точки зрения сплочения общественного мнения.

“Мы вступаем в войну, навязанную нам как защитникам слабых и поборникам Европейских свобод.”

The Times, 5 августа 1914 года.

“Следует ясно понимать, когда именно и почему мы вмешались. Только оказавшись перед выбором между выполнением и нарушением торжественных обязательств, между исполнением обязывающего договора и бесстыдным подчинением неприкрытой силе, мы достали меч из ножен... Мы были связаны своим обещанием, ясным и нерушимым, подтвердить и сохранить находящуюся под угрозой независимость малого и нейтрального государства” (Бельгии).

Г-н Асквит, Палата общин, 27 августа 1914 года.

“Договорные обязательства Великобритании перед этой малой землей (Бельгией) втянули нас в войну”.

Г-н Ллойд Джордж, 5 января 1918 года.

Ни одно из этих заявлений сменявших друг друга премьер-министров не является правдой. Нас втянули в войну наши обязательства перед Францией. Нападение на Бельгию было использовано для возбуждения национального энтузиазма. Фраза того же смысла была включена ставлена в [Тронную речь](#) Короля от 18 сентября 1914 года.

“Я был вынужден, соблюдая договорные обязательства, намеренно сведенные на нет ... вступить в войну”.

Две следующих цитаты освещают этот вопрос верно:

“Они [заявления премьер-министров] не отражают того, что наша честь и наши интересы вынудили бы нас присоединиться к Франции и России, даже если бы Германия добросовестно уважала права своих малых соседей и стремилась прорубить себе дорогу во Францию через восточные крепости”.

The Times, 15 марта 1915 года.

Сэр Д. Маклин: “Мы вступили в войну из-за Бельгии.”

Г-н Чемберлен: “У нас был такой договор с Бельгией. Если бы подразумевалась только Франция, мы не смогли бы остаться в стороне после состоявшихся переговоров. Остаться в стороне было не в наших интересах, и мы не могли бы остаться в стороне не потеряв безопасности и чести.

Палата общин, 8 февраля 1922 года

Но помимо того, что нападение на Бельгию было объявлено причиной войны, оно также было представлено как беспрецедентное и неоправданное нарушение договора. До сих пор "Клочок бумаги" (факсимиле договора) висит на стенах некоторых начальных школ.

<"The Scrap of Paper" (дословно - “клочок бумаги”) - одна из самых знаменитых и самых эффективных фраз пропаганды Первой мировой войны. Когда Великобритания, как один из гарантов нейтралитета, выразила протест против вторжения Германии в Бельгию, канцлер Германии Теобальд фон Бетман-Гольвег в разговоре с британским послом, предположительно назвал этот договор клочком бумаги.>

Нет нации, которая не была бы виновна в нарушении договоров. После объявления войны договоры нарушаются направо и налево. Были и другие нарушения нейтралитета во время войны. Нарушение договора, к сожалению, является вопросом целесообразности, а не вопросом международной морали.

В 1887 году, когда возникла угроза начала войны между Францией и Германией, пресса, том числе и газета Standard, считавшаяся в то время более или менее правительственным органом, беспристрастно и со спокойной невозмутимостью обсуждали возможность позволить Германии пройти через Бельгию для нападения на Францию. Standard утверждала, что со стороны Великобритании было бы безумием препятствовать проходу немецких войск через Бельгию, а Spectator заявил: "Мы не будем препятствовать, да и не можем воспрепятствовать пересечению ее [Бельгии] территории".

В 1914 году мы были не более чувствительны к своим договорным обязательствам, чем в 1887 году. Но так случилось, что в 1887 году мы были в хороших отношениях с Германией и в напряженных отношениях с Францией. Следовательно, противоположная политика больше соответствовала нашим интересам.

Более того, нападение на Бельгию не стало неожиданностью. Все наши планы были составлены для подготовки к нему. Опубликованные бельгийские документы раскрыли тот факт, что "беседы" 1906 года касались весьма подробных планов военного сотрудничества на случай германского вторжения в Бельгию, но подобных планов между Бельгией и Германией не разрабатывалось. Французы и британцы именуются Союзными армиями, Германия - как

"противник". Были составлены подробные и тщательно проработанные планы высадки британских войск.

Политически, вторжение в Бельгию было грубой ошибкой. Стратегически, это было естественным и очевидным решением. Кроме того, теперь мы знаем, что, если бы Германия не нарушила бельгийский нейтралитет, это сделала бы Франция. Источником этой информации, совершенно понятной с точки зрения военной стратегии, является [генерал Персен](#), чьи статьи в *l'Ère Nouvelle* 1925 года цитируются и комментируются в газете *Manchester Guardian* от 27 января 1925 года.

НАРУШЕНИЕ БЕЛЬГИЙСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА ПЛАНИРОВАЛОСЬ ФРАНЦИЕЙ Заявления французского генерала.

(От нашего собственного корреспондента. Париж, понедельник.)

Непосредственно перед вступлением Великобритании в войну в 1914 году, британское правительство запросило в Берлине и Париже, будет ли соблюдаться нейтралитет Бельгии.

Был ли этот запрос, адресованный Франции, чистой формальностью?

Если верить генералу Персену, известному радикальному французскому анти-католику, то, очевидно, нет, поскольку в серии его статей в *Ère Nouvelle*, он авторитетно заявляет, что нарушение нейтралитета Бельгии в течение многих лет было неотъемлемой частью военных планов Французского Генерального штаба и даже Французского Правительства.

Едва ли нужно говорить что начавшаяся полемика имеет мировое значение, поскольку это в значительной степени снимает с Германии моральное клеймо "клочка бумаги".

Необходимо признать что Генерал Персен - это озлобленный человек, однако еще никто не усомнился в его чести или компетентности. Он протестант - что редкость у высших чинов французской армии - и всегда был не в ладах с военной иерархией Генерального штаба. И это неудивительно, ведь он был главой Кабинета генерала [Андре](#), военного министра в кабинете [Комба](#), когда в ходе дела Дрейфуса была предпринята более или менее тщетная попытка "зачистить" высший командный состав.

Главным интересом генерала Персена была артиллерия, и немецкие газеты времен войны приписывали ему основную заслугу за принятие на вооружение [знаменитой 75-мм пушки](#). Смещение генерала Персена с поста командующего в Лилле в первые недели войны так и не было толком объяснено. Вероятно это было частью вендетты. Во всяком случае, это смещение не было позорным, что доказывает последующее пожалование ему титула [Большого Креста Почетного легиона](#).

ОТКРЫТИЕ 1910-1911 годов.

Показания генерала Персена в *Ère Nouvelle* относятся ко времени, когда он был одним из руководителей [Высшего Совета Антанты](#).

"Я принял личное участие, - пишет он, - зимой 1910/-1911 годов в крупных учениях, организованной Высшим Советом Антанты, членом которого я тогда был. Кампания длилась неделю. Она показала, что германское нападение на фронте Эльзас-Лотарингия не имело шан-

сов на успех; что оно неизбежно будет разгромлено обороной, сосредоточенной в этом районе, и что Германия будет вынуждена нарушить нейтралитет Бельгии”.

Вопрос о том, следовать ли нам примеру Германии в таком нарушении нейтралитета и, если потребуется, опередить её, или же ждать противника по эту сторону бельгийской границы, не обсуждался. Этот вопрос был скорее государственным чем военным.

Но любой военачальник, который во время войны узнает намерение противника занять дающую тактическое преимущество позицию, обязан сам попытаться занять эту позицию, и как можно скорее. Если бы кто-либо из нас сказал, что из уважения к договору 1839 года он по собственной инициативе остался бы по эту сторону бельгийской границы, тем самым перенося войну на территорию Франции, он стал бы презираем своими товарищами самим Военным министром.

Все мы во французской армии были сторонниками тактического наступления. Это подразумевало нарушение бельгийского нейтралитета, ибо мы знали намерения немцев. Мне скажут, что с нашей стороны это было бы не французским преступлением, а ответным ударом на немецкое преступление. Без сомнений. Но каждое вступление в войну претендует быть таким ответным ударом. Вы атакуете противника потому что приписываете ему намерение атаковать вас.

31 августа 1911 года Начальники Генеральных Штабов Франции и России подписали соглашение о том, что слова “оборонительная война” не следует понимать буквально, а затем подтвердили “абсолютную необходимость для французской и русской армий перейти в решительное наступление, по возможности одновременно”.

По словам генерала Персена, это “решительное наступление” означало нарушение Францией нейтралитета Бельгии. “Могли ли мы предпринять решительное наступление без нарушения нейтралитета Бельгии? Могли ли мы действительно разместить наши 1,300,000 человек на узком фронте Эльзас-Лотарингия?”

НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦ БЕЛЬГИИ НЕИЗБЕЖНО.

Он [Генерал Персен] категорически утверждает, что, по мнению французского генерального штаба, война должна была вестись в Бельгии, и действительно, через шесть месяцев после подписания вышеупомянутого соглашения между французским и русским Генеральными Штабами, полковник артиллерии [Пикар](#) во главе группы офицеров Генерального штаба, совершил поездку по Бельгии для изучения возможности использования этой территории, когда придет время, для военных действий.

Генерал Персен заключает: “Договор 1839 года не мог не быть нарушен - либо немцами, либо нами. Его подготовили чтобы сделать войну невозможной. Поэтому вопрос, который мы должны решить, таков: кто из двух, Франция или Германия, больше хотел войны? А не в том, кто более пренебрег этим договором. Тот, кто хотел войны больше другого, не мог не посягнуть на бельгийскую территорию”.

Можно привести ряд цитат, свидетельствующих об ожидаемости вторжения в Бельгию. Тем не менее, в предвоенные годы не было предпринято никаких шагов, чтобы подтвердить

обязательства по старому договору 1839 года, и чтобы сделать их еще более обязывающими, чем они были на самом деле.

Вторжение в Бельгию не было причиной войны; вторжение в Бельгию не было неожиданным; вторжение в Бельгию не потрясло моральные принципы ни Британского, ни Французского правительств. Но можно признать, что оказавшись в положении, созданию которого они сами в значительной степени содействовали, Британское и Французское правительства на первых этапах Великой войны имели полное право, и даже настоятельно были вынуждены подтасовать факты, исказить их последствия, как они это и сделали, всегда учитывая моральные нормы, диктуемые войной. Необходимо было раскрасить картину происходящего пигментами лжи, чтобы вызвать народное негодование, и это было сделано с полным успехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.